

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Усыпленіе Зевса.

Несторъ еще наслаждался питьемъ, когда клики услышалъ.
Онъ Эскулапову сыну крылатое слово промолвилъ:

«О, Махаонъ богоравный, подумай, чѣмъ кончится это?
Крики бойцовъ молодыхъ предъ судами становятся громче.
Но оставайся сидѣть и виномъ наслаждайся искристымъ, 5.
Выжди, пока Гекамеда, прекрасноволосая дѣва,
Теплую баню нагрѣетъ и прахъ съ тебя смоетъ кровавый.
Я же развѣдаю все, поспѣшивъ на дозорное мѣсто».

Такъ произнеши, надѣлъ онъ округлый, стоявшій въ палаткѣ,
Щитъ Өразимеда, коней укротителя, милаго сына, 10.
Мѣдью сверкавшій: съ отцовскимъ щитомъ Өразимедъ удалился.
Тяжкое ваялъ онъ копьѣ, на концѣ заостренное мѣдью.

Выйдя изъ ставки, онъ вскорѣ увидѣлъ печальную битву,
Какъ отступали Данайцы, а войско надменныхъ Троянцевъ
Сзади на нихъ напирало, низринувъ Ахейскую стѣну. 15.

Точно какъ вѣтровъ свистящихъ предчувствуя скорую близость,
Дальнее море темнѣетъ, колебля безмолвныя волны
Ровно на мѣстѣ одномъ, ни туда, ни сюда не бросая,
Долго, пока не примчится отъ Зевса рѣшающій вѣтеръ:
Такъ колебался старикъ, обсуждая въ душѣ два рѣшенья, 20.
Лучше-ли броситься въ битву, въ толпу быстроконныхъ Данайцевъ,
Или къ Атриду пойти Агамемнону, пастырю войска.

И размышлявшему такъ показалось ему наилучшимъ
Къ сыну Атрея пойти. А бойцы той порою другъ друга
Въ битвѣ рубили, сражаясь, и громко вокругъ тѣлъ ихъ звенѣла 25.